

•ШНыр•

Небо и Бездна

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Пегас, лев и кентавр
У входа нет выхода
Мост в чужую мечту
Стрекоза второго шанса
Муравьиный лабиринт
Череп со стрелой
Глоток огня
Седло для дракона
Цветок трёх миров
Замороженный мир
Дверь на двушку
Сердце двушки

Дмитрий Емец

ПЕГАС, ЛЕВ и КЕНТАВР

Москва
2025

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрации на обложке и в книге *Андрея Топунова*
Дизайн серии *Елены Дукельской*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Пегас, лев и кентавр / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2025. — 432 с. — (Шныр. Небо и бездна).

ISBN 978-5-04-207291-8

Шныры живут среди нас.

Их выбирают золотые пчёлы, чтобы те совершали нырки в другой мир, добывали заветки и спасали жизни. Но каждый нырок — это боль, страх, испытание. Против шныров — ведьмари. Они используют силу ради власти и личной выгоды.

Юные шныры ещё не до конца поняли, кто они друг другу, и кем им предстоит стать. А мир уже меняется — и ждёт тех, кто решится на шаг в неизвестность.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207291-8

© Емец Д., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Книга — это вечная мысль. Рука, протянутая через десятилетия и века, когда рядом невозможно найти собеседника.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пеглов
					Воду пить нельзя
					Заветка в четырёх шагах
					Заветка здесь
					Направление на лагерь

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах дотов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Привал
					Тут переправа
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищённая от гилел
					Осторожно! Магическое минирование
					Заветок нет
					Зона последнего поиска
					Пегзов не привязывать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

КОДЕКС ШНЫРА

Когда тебе больно, не корчи из себя страдающего героя. Нужно или плакать в голос, или терпеть. Ты можешь дать всё другим, но ничего себе. Потому что ты шныр!

Наедине с собой ты будешь рвать зубами подушку, расшибать кулаки о стены. Но на людях ты будешь улыбаться. Потому что ты шныр!

Каждый нырок оплачивается жертвой.

Чем меньше жертва и способность к жертве, тем меньше возможности заветки, которую ныряльщик способен вытащить. Жертва не может быть больше, чем человек способен понести.

Для того, кто использовал заветку для себя, повторный нырок невозможен.

Никогда не нырявший или отказавшийся от нырков шныр может оставаться в ШНыре, но использовавший заветку для себя — никогда.

Самый тяжёлый нырок — всегда первый.
На первой заветке шныр всегда испытывает
максимальной болью.

На территорию ШНыра не может проник-
нуть ни один человек, окончательно утвердив-
шийся во зле и его ценностях или оцувтивший
себя явным добром. Это не мы так решили.
Просто так есть, было и будет.

Новых шныров выбирают не люди, а золо-
тые пчёлы, единственный улей которых нахо-
дится в ШНыре. Почему пчёлы выбрали имен-
но вас, мы не знаем — потому что когда-то
точно так же они выбрали и нас. Хотя в от-
дельных случаях можем догадываться. Но до-
гадываться не означает знать.

Случайно раздавить золотую пчелу нельзя,
но её можно предать. В этом случае она уми-
рает.

РАБОТА — ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ВИРУСНОЙ ЛЮБВИ

Принцип всякого продвижения: дойти
до своего абсолютного предела и сделать
один ма-а-аленький шагок вперёд.

Из дневника невернувшегося шныра

Пятого декабря в Москве повалил снег. Прежде он выпадал с избирательной пугливостью: на крыши машин, парковые скамейки, гаражи и трансформаторные будки. Сейчас же снег приступил к делу серьёзно и посыпался так густо, будто где-то в небе гиелы — крылатые полугиены-полульвы — одновременно распотрошили десять тысяч подушек. Крупные снежинки не порхали,

а солидно, как немолодые несушки, рассаживались каждая на своё место.

Движение остановилось. Светофоры подмигивали сами себе, дирижируя белой симфонией. Ехать стало некуда. Дороги исчезли. Автомобили отмахивались дворниками, на глазах превращаясь в сугробы. Как часто бывает, в стаде машин обнаружился истерик, который раз за разом нажимал на сигнал и гудел долго и сердито, непонятно чего и у кого требуя.

На строительной площадке прожекторы били снизу в подъёмный кран, и три столба света, пронзая белое пространство и смыкаясь, показывали абсолютную его бесконечность.

Когда начался снегопад, два молодых человека и девушка стояли на залитой электрическим светом площадке у метро и потешались над загадочной надписью «**Мясо курц в лаваше**». Это были Ул, его девушка Яра, больше ротая и улыбочивая, и его лучший друг Афанасий.

Ул стоял, засунув большие пальцы в карманы, — любимая его поза. Среднего роста, не мускулистый, но литой, точно из дубового пня вытесан. Двадцать неполных лет, короткий шрам на верхней губе (результат пропущенного удара велосипедной цепью в парке им. Макса Горького), русская кровь с примесью калмыцкой, двести сорок два рубля в кармане, широкий размах плеч и ботинки сорок третьего размера. Вот и весь наш герой. Знакомься, читатель!

Афанасий на полголовы выше и на полгода младше. Таких, как он, часто называют красивыми. Худощавый, с узкими плечами и длинными жеребьячими ногами. Волосы льняные, как у немецкого принца, у которого королевство такое маленькое, что ему то и дело приходится срываться с трона и ловить кур, чтобы они не пересекали государственную границу.

Афанасий смеётся, но на душе у него скверно. Он жалеет, что вообще поехал сегодня в город. Как правило, Афанасий избегает Яру, однако сегодня всё произошло против его воли. Вместе добрались до города, вместе сели в метро. Станция конечная, притвориться, что тебе в другую сторону, невозможно.

Пока они ехали, Афанасий смотрел на своего двойника в окне поезда. По лицу двойника ползли бесконечные провода в чёрной оплётке, а на груди было написано **«Места для женщин с детьми и инвалидов»**.

Афанасий старался не слушать, о чём говорят Ул и Яра, но чем больше старался, тем сильнее обострялся слух. Болтали они о совершенной ерунде, но Афанасий всё равно ощущал себя гадом, подслушивающим у щёлки. Каждое слово казалось ему значительным, содержащим тайную, скрытую от всех нежность.

Изредка кто-нибудь из них вспоминал об Афанасии, обращался к нему и задавал вопрос. Афанасий отвечал с ненужной старательностью, хотя знал, что вопрос был

задан только затем, чтобы не выключать его из общения. Мол, если мы втроём, то и говорить надо втроём, и никак иначе. Афанасий делал всё, что положено уважающему себя третьему лишнему: улыбался, отшучивался, но ощущал, что его разрывает. Ему хотелось завопить и дёрнуть стоп-кран. Пусть все повалятся друг на друга, а ему на миг станет легче.

Сознание Афанасия спешно искало лазеек. Внезапно он вспомнил, что ему надо купить крышку на объектив. Два года фотоаппарат — надёжный тридцатилетний старикан «Зенит», который он ставил выше всяких беззеркалок, — отлично жил без крышки, а тут вдруг хозяин осознал, что это в корне неправильно. Технику надо беречь. Он выскочил на «Пушкинской», а эти двое взяли и выскочили за ним следом. Наверное, среагировали на закрывающиеся двери.

— Нам не хотелось тебя бросать! — заявил Ул.

Афанасий едва не зарычал. Ул так и лучился дружелюбием. Афанасий знал, что если он сейчас оступится и улетит на пути перед поездом, то Ул, не мешкая ни минуты, кинется за ним и будет пытаться его вытащить. И от этого Афанасию становилось тошно. Правда, как предатель он ещё не состоялся, но ему казалось, что, полюбив Яру, он нанёс их дружбе удар в спину. Нельзя изменять и предавать даже в шутку. Это опаснее, чем взобраться на табуретку, накинуть себе петлю на шею, а потом попросить

кого-нибудь вышибить эту табуретку и сбегать на кухню за стулом, потому что на стуле стоять удобнее.

Пока Ул не встретился с Ярой, Афанасий относился к ней спокойно. Если она ему и нравилась, то не больше, чем ещё три-четыре девушки. В его внутреннем списке Яра шла даже не первым номером.

Затем Ул с обычной для него решимостью, не раскачиваясь и не сравнивая, выбрал для себя Яру, чтобы любить её, «пока смерть не разлучит нас». И Яра как-то сразу это ощутила и отозвалась, хотя Ул никогда не произносил пылких речей. И тогда впервые на Афанасия — бойкого, неглупого, уважающего себя, своё красноречие и ум — дохнуло невыразимой внутренней правдой, которой не нужны слова. Если она, эта правда, есть, то любая девушка её почувствует.

Поначалу Афанасий, на правах лучшего друга, к Яре отнёсся критически. Ему не нравилось, что Ул всюду её с собой таскает, а она ходит и молчит, как робкая мышка, из которой вот-вот вылупится кошка. Это был ещё тот период, когда третьей лишней была она. Затем, хотя внешне ничего не изменилось и Ул кидался к нему всё так же радостно, Афанасий начал ощущать, что его постепенно задвигают в область декораций.

Дальше всё пошло по нарастающей, и Афанасий увяз, как оса в варенье. При этом, будучи человеком внимательным и не упускающим случая покопаться в себе, он